**А.В. Бакунцев**, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: auctor@list.ru

# “СКОМОРОХИ” И.А. БУНИНА: ТРИ ВАРИАНТА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

*В статье рассматриваются три варианта стихотворения И.А. Бунина “Скоморохи” (1915, 1919, 1921). Автор статьи излагает историю их возникновения, проводит сравнительный анализ их формы и содержания, выявляет в них черты публицистичности и указывает на их сатирический характер. В статье приводятся тексты всех трех редакций стихотворения.*

***Ключевые слова:*** *И. А. Бунин, “Скоморохи”, стихотворение, варианты, сатира.*

*In the article we examine three versions of I. A. Bunin’s poem “The Skomorokhs” (1915, 1919, 1921). The author of the article covers the story of their origin, develops the comparative analysis of their form and content, points out their publicistic and satirical nature. In the article three versions of the poem are presented.*

***Key words:*** *I.A. Bunin, The Skomorokhs, poem, versions, satire.*

И.А. Бунин принадлежит к тому разряду авторов, которые никогда не бывают вполне довольны качеством своих произведений, как бы хороши (объективно) они ни были. В основе такой *взыскательности* — исключительная требовательность к себе, сознание собственной художнической “слабости” — или, вернее, *ограниченности* сил. Именно эти свойства побуждают всякого подлинного мастера, будь то писатель, художник или артист, непрестанно и неукротимо стремиться к совершенству. Так и Бунин почти ни одно из своих произведений не считал *законченным* настолько, чтобы в него никогда больше нельзя было внести каких-нибудь поправок. И на протяжении своей долгой жизни писатель не раз возвращался к уже написанному и даже опубликованному — для того, чтобы выправлять, сокращать, шлифовать, совершенствовать. Такому авторскому “саморедактированию” Бунин подверг многие свои произведения. Среди них — рассказы “Зимний сон”, “Легкое дыхание”, “Солнечный удар”, “Натали”, роман “Жизнь Арсеньева”, ряд стихотворений.

Но — одно дело редактировать, т.е. *улучшать* уже готовую художественную форму и совсем другое — создавать на ее основе новое, столь же самостоятельное и, с текстологической точки зрения, номинально-равнозначное произведение. Взять, к примеру, роман А.Н. Толстого “Хождение по мукам”: его первый, эмигрантский, вариант имеет мало общего со вторым, советским — идеологически перелицованным и композиционно расширенным. При этом

многие критики вполне справедливо отдают предпочтение именно первому варианту.

Бунинское стихотворение “Скоморохи” существует в трех редакциях: одна датируется 1915 г., другая — 1919-м, третья — 1921-м.

Первую версию стихотворения Бунин опубликовал сначала в журнале М. Горького “Летопись” (Петроград), в № 1 за 1916 г., затем в сборнике “Господин из Сан-Франциско” (М., 1916), в 10-м томе полного собрания сочинений издательства “Парус” (Пг., 1918) и наконец в сборнике “Господин из Сан-Франциско” (Париж, 1920).

Вторая версия была напечатана 22 сентября (5 октября) 1919 г. в газете “Одесский листок”, а третья (в составе произвольно скомпонованного автором цикла “Русь”[1]) — 17 апреля 1921 г. в № 87 эмигрантской газеты “Новая русская жизнь”, которая издавалась в Гельсингфорсе “при ближайшем участии” А.И. Куприна. Ровно через две недели, 1 мая, весь цикл “Русь” и в нем третий вариант “Скоморохов” перепечатала рижская газета “Сегодня” (№ 98). В последующие годы это стихотворение ни в том, ни в другом, ни в третьем виде не включалось *ни в одно* зарубежное издание бунинских произведений: вероятно, со временем Бунин перестал считать “Скоморохов” достойными своего таланта — проще говоря, “забраковал”.

Зато в СССР к ним отнеслись с куда большей (хотя и не безоговорочной) снисходительностью. При подготовке знаменитого девятитомника, выпущенного издательством “Художественная литература” во второй половине 1960-х гг., текстологи не стояли перед выбором, какой из трех вариантов помещать в это издание: разумеется, первый! Никаких сомнений тут не могло возникнуть хотя бы потому, что в “Скоморохах” образца 1915 г. Бунин выступал как “обличитель помещиков и капиталистов”, тогда как в более поздних версиях стихотворения он, напротив, в полной мере проявил свою “контрреволюционную”, “крепостническую сущность”[2]. Варианты 1919 и 1921 гг. не удостоились упоминания даже в комментариях, точно их вообще не было.

Так с тех пор и повелось: в многочисленных сборниках и собраниях сочинений Бунина (включая даже самое последнее, так называемое “полное”, вышедшее в скандально известном издательстве “Воскресенье”) “Скоморохи” печатались только в первой, дореволюционной редакции, а существование второй и третьей, “антисоветских” версий замалчивалось. Для того чтобы открыто заявить о них, одним составителям, видимо, не хватало смелости,

[1] В этот цикл вошли также написанные в разные годы стихотворения: “За Соловками” (“Солнце полночное, тени лиловые...”), “Древняя обитель супротив луны...” и “Плоты” (“С востока дует холодом, — чернеет зыбь реки...”).

[2] Ср.: “В годы революции он [Бунин] резко выявляет свое классовое лицо, и публицистика Б<унина> дышит злобой крепостника” [БСЭ, 1927, с. 127].

другим — честности, третьим — знаний. Без недомолвок не обошлось даже в самом приличном с текстологической точки зрения собрании сочинений Бунина в восьми томах (М., 1993—2000), которое составил и выпустил (по сути, в одиночку) известный буниновед А.К. Бабореко.

В этом издании тоже напечатан только один — первый вариант "Скоморохов", но зато третий вариант по крайней мере *упомянут* (впервые за многие годы!) в комментарии: «В газ<ете> "Новая русская жизнь" <...> стихотворение начинается строкой: "Советские скоморохи..."» [Бунин, 1993, с. 483]. К сожалению, комментатора хватило лишь на эту куцую констатацию — о существовании второго варианта и о сути сделанных автором поправок он как раз ничего не сказал. Между тем Бунин заменил в своем стихотворении не только начальный эпитет[3]. Лексической, композиционной, но главное — *концептуальной* переработке подвергся *весь* текст, так что в итоге получились уже совсем другие, во всех смыслах *новые* произведения.

Так чем же все-таки варианты бунинского стихотворения отличаются друг от друга?

Бунинские "Скоморохи" образца 1915 г. написаны как остроумная и ловкая стилизация под скоморошью песню времен не то Золотой Орды, не то Иоанна Грозного. Текст насыщен архаическими, типичными народнопоэтическими оборотами и словоформами, есть в нем и присущая произведениям подобного песенного жанра грубоватость тона. В общем, с чисто имитаторской точки зрения, стихотворение безупречно. Но не стоит думать, будто замысел поэта заключался только в том, чтобы, подобно П. Мериме или Дж. Макферсону, попробовать свои силы в литературной имитации. Создавая "Скоморохов", Бунин преследовал совсем иную цель, нежели авторы "Гузлы" и "Сочинений Оссиана".

Однако и с лермонтовской "Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова" у бунинского стихотворения, при всей их кажущейся стилистической близости, на самом деле мало общего. Лермонтов идеализирует прошлое, видит в нем исключительно "время богатырей"[4] и подлинных нравственных устоев, тогда как Бунин, напротив, фокусирует свое внимание на *отрицательных* сторонах и российской истории, и русского национального характера. В этом смысле "Скоморохи" 1915 г. — не апология русского человека, а *сатира* на него[5].

---

[3] В редакции 1915 г. было: "*Веселые* скоморохи...".

[4] См. хрестоматийные строки его "Бородина": "Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри — не вы!" [Лермонтов, 1988, с. 154].

[5] Весьма опрометчивым представляется не в меру категоричное утверждение Ю.В. Мальцева, будто Бунин "до сатиры <...> никогда не опускался, считая ее <...> выхолащиванием жизни" [Устами Буниных, 2004, с. 7]. Разве не сатиричны многие страницы "Окаянных дней", "Инонии и Китежа", "Воспоминаний"?

Немаловажно, что стихотворение родилось в разгар Первой мировой войны, к которой Бунин относился крайне отрицательно. Его тогдашние настроения не могли не отразиться в "Скоморохах": при всей наружной и нарочитой (опять же стилизованной) бесшабашности, есть в них что-то гоголевское[6], какая-то едкая, пронзительная горечь, чувство обреченности и злость. В стихотворении нет ни слова, ни даже малейшего намека на военные действия и связанные с ними лишения, зато в карикатурном образе некоего безымянного "свет-боярина" явно изображен столичный (петербургский и московский) "бомонд", прожигавший жизнь в пирах и оргиях, словно войны и не было. И уже тогда, по словам Дон-Аминадо, Бунин как будто чувствовал приближение катастрофы. Автор "Поезда на третьем пути" вспоминал: "Иван Алексеевич Бунин, насупив брови, мрачно прислушивается, пророчески на ходу роняет:

— Помяните мое слово, это добром не кончится!.." [Дон-Аминадо, 2006, с. 124].

Однако в "Скоморохах" Бунин обличает в русском человеке (читай: в русском обществе) не столько социальные, сколько *национальные* пороки, имеющие, как можно понять из текста, глубокие *исторические* корни. Известно, что при всей своей любви к Востоку и его культуре Бунин терпеть не мог *азиатчину* и считал ее одним из самых отвратительных свойств русского национального характера[7]. Надо думать, недаром в облике "свет-боярина" подчеркнуты азиатские, отталкивающие черты: его "глаза узкие, косые", "лицо тугое", "корешки зубов", которые "из рота зачерне-

[6] По свидетельству Н.Н. Берберовой, когда Бунина сравнивали с Л. Толстым или Лермонтовым, он раздраженно бросал: "Я — от Гоголя. Никто ничего не понимает. Я из Гоголя вышел" [Берберова, 2009, с. 282]. В своей книге Берберова потешается над этими словами — и совершенно напрасно. Если Бунин на самом деле их произносил, то он, скорее всего, имел в виду, с одной стороны, свою беспощадную зоркость к отрицательным сторонам современной ему российской действительности, а с другой — некоторые особенности собственной поэтики: например, для передачи тех или иных цветовых впечатлений Бунин, так же как Гоголь, в качестве метафор и эпитетов часто использовал названия драгоценных камней и металлов.

[7] Именно поэтому и блоковских "Скифов" с их "раскосыми и жадными очами" Бунин ненавидел до конца своих дней. Кстати, не исключено, что второй вариант "Скоморохов" явился своего рода ответом на это стихотворение Блока. Духом "антимонголизма" пронизаны и многие публицистические произведения Бунина, среди них — статья "Инония и Китеж" (1925), посвященная памяти А.К. Толстого. В этой статье Бунин с явным сочувствием цитирует толстовские высказывания: "Моя ненависть к монгольщине есть идиосинкразия; это не тенденция, это я сам"; "Когда я вспоминаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов, мне хочется броситься на землю и кататься от отчаяния" [Бунин, 2000, с. 425, 431].

лися”, — словно речь идет не о российском дворянине, “гордом внуке славян” и варягов, а о “поганом татарине”, “басурманине”[8]. Но немногим лучше автор относится и к скоморохам, которые готовы по первому приказу “поломаться, позабавить” своего хозяина. Они — по сути, “изнанка” того же явления. И если “свет-боярин” воплощает в себе такие проявления азиатчины, как лень, праздность, деспотизм, то скоморохи — холуйскую подобострастность.

Веселые скоморохи,
Люди сметливые,
Поломайтесь, позабавьте
Свет-боярина!
Скучно ему во палате!
Днем он выспался,
Шашки, сказки да побаски
Уж приелися.
На лежаночке в павлинах
Сел он, батюшка,
В желтом стеганом халате,
В ярь-мурмулочке.
Шибче, шибче, скоморохи!
Ишь как ожил он!
Глаза узкие, косые
Засветилися,
Все лицо его тугое
Смехом сморщилося,
Корешки зубов из рота
Зачернелися...
Ах, недаром вы, собаки,
Виды видывали!
Шибче, шибче! Чтоб соседи
Нам завидовали!

Предельная обобщенность и символичность созданных Буниным образов придает первому варианту стихотворения особую философскую глубину и, с сатирической точки зрения, делает его *неизменно*-актуальным и как бы “надысторичным”.

Совсем иные художественные задачи решаются автором в двух позднейших редакциях “Скоморохов”.

---

[8] В этой связи напрашивается вполне закономерная, как нам представляется, ассоциация с лермонтовским Кирибеевичем из упомянутой ранее “Песни про... удалого купца Калашникова”. Реальные Кирибеевичи (тот же Малюта Скуратов), “басурмане” по происхождению, также пополняли собой ряды русского дворянства. Однако образ бунинского “свет-боярина” вызывает и другие, в том числе мифопоэтические, ассоциации — прежде всего с Тугарином Змеевичем (или “змеем Тугарином” А.К. Толстого) и Соловьем-Разбойником, правда, без присущих этим сказочно-былинным персонажам сверхъестественных способностей.

От первоначального варианта в них сохранились только название, поэтическая форма да одна строфа[9]. Остальные пять строф, как уже говорилось, Бунин полностью переработал, сочинил вдобавок к ним еще три строфы, так что в итоге, в обновленной версии стихотворения, их получилось девять. При этом текстуально вторая и третья версии "Скоморохов" далеко не идентичны. Чтобы различия между ними были заметнее, приводим здесь оба текста параллельно:

Вариант 1919 г.

Ах, ах, ах, ах!
Советские скоморохи,
Люди сметливые,
Распотешьте, разгуляйте
Стеньку старого!
Скучно ему во палате:
Кровь не радует,
А заморские червонцы
Все сосчитаны.
На лежаночке в павлинах
Сел он, батюшка,
По халату полосату —
Звезды алые.
Шибче, шибче, скоморохи!
Оживляется —
Глазки узкие, косые
Засветилися,
Все лицо его тугое
Смехом сморщилося,
Корешки зубов изо рта
Зачернелися...
Ах, ах, ах, ах!
Советские скоморохи,
Голь кабацкая!
Скучно Стеньке — не червонцы,
Дни сосчитаны:
Скоро, скоро вы же сами,
Переменчивые,
Над повешенным Иудой
Напотешитесь!
А покуды дуйте в дуды
Пред собакою,
В пол дубовый крепче бейте
Раскорякою!
Ах, недаром вы, ярыги,
Виды видывали!
Шибче, шибче! Чтоб соседи
Нам завидовали!

Вариант 1921 г.

Советские скоморохи,
Сволочь сметливая,
Распотешьте, разгуляйте
Стеньку старого!
Скучно ему во палате:
Кровь приелася,
А заморские червонцы
Все сосчитаны.
На лежаночке забавной
Сел он, батюшка,
По халату полосатому —
Звезды алые.
Шибче, шибче, скоморохи! —
Оживляется,
Глазки узкие, косые
Засветилися,
Все лицо его тугое
Смехом сморщилося,
Корешки зубов из рота
Зачернелися!
Советские скоморохи,
Голь кабацкая,
Скучно Стеньке, — не червонцы,
Дни сосчитаны:
Скоро, скоро вы же сами,
Переменчивые,
Над помешанным Иудой
Напотешитесь!
А покуда дуйте в дуды
Над собакою,
В пол дубовый крепче бейте
Раскорякою!
Ах, недаром вы, ярычи,
Виды видывали!
Шибче, шибче! Чтоб соседи
Нам завидовали!

[9] "Скоморохи" 1919 г. были снабжены подзаголовком "Новая погудка", которая ассоциативно отсылала читателя к первому варианту стихотворения.

Как видно из этих текстов, бунинская сатира приобрела ярко выраженную политическую окраску, а ее объектом стал большевистский режим. Соответственно изменилась концепция, а вместе с ней — исторический контекст и художественные образы "Скоморохов".

В новых историко-политических условиях прежний "антигерой" потерял свою актуальность. На смену абстрактному "светбоярину" пришел похожий на него и лицом, и повадкой, но при этом куда более "осязаемый" и зловещий "Стенька старый": если "боярину" приелись "шашки, сказки да побаски", то "Стеньке" — кровь. Этот художественно переосмысленный автором двойник Стеньки Разина из народных песен и преданий возникает в "Скоморохах" не случайно: после Октября 1917 г. Степан Разин наравне с Емельяном Пугачевым воспринимался "контрреволюционной" интеллигенцией не столько как исторический персонаж, сколько как персонифицированный синоним (или олицетворение) большевизма[10]. Потому-то "звезды алые" на стенькином "халате полосатом" и "советские" скоморохи — это не анахронизмы, а свидетельства острой публицистичности бунинского стихотворения.

Одним из следствий такой публицистической заостренности стала большая (по сравнению с первой редакцией "Скоморохов") конкретность и прозрачность бунинских образов. В "Стеньке" без труда угадывается Большевик, Народный комиссар и даже сам Ленин. А скоморохи ассоциируются с новоявленными советскими деятелями культуры, запятнавшими себя — в глазах Бунина — беззаветным служением новой власти: с Демьянами Бедными, Артемами Веселыми, Маяковскими, Есенинами, Пильняками, Эренбургами, Багрицкими, Бабелями, Катаевыми, Сейфуллиными и т.д.[11] Вероятно, именно поэтому во втором и третьем вариантах стихотворения Бунин гораздо жестче, беспощаднее относится к скоморохам — чего стоят одни эпитеты, которыми он их награждает.

В целом же недвусмысленная политическая направленность "Скоморохов" в редакциях 1919 и 1921 гг., выраженная в них непримиримая ненависть к большевизму и страстная надежда на скорое и неизбежное падение кровавого узурпаторского режима

---

[10] О сходстве большевизма с разинщиной и пугачевщиной Бунин писал, например, в статьях "Из "Великого дурмана"" (1919) и "Страна неограниченных возможностей" (1921). "Вот Емелька и Стенька, мятежи которых, слава Богу, даже уже начали ставить в параллель с тем, что совершается, все еще не осмеливаясь, однако, делать из этого должных выводов" [Бунин, 2000, с. 362].

[11] Ср. с бунинской оценкой советских поэтов в статье "Инония и Китеж": "При всей своей ничтожности, современный советский стихотворец <...> очень показателен <...>. При всей своей разновидности, он может быть взят за одну скобку, как кость от кости того "киргиза", — как замечательно, что и Ленин был "рожа", монгол! — который ныне есть хозяин дня" [там же, с. 425].

сближают это, во всех отношениях художественное, произведение с “Великим дурманом”, “Миссией русской эмиграции”, “Инонией и Китежем”, “Окаянными днями” и другими образцами бунинской публицистики 1920-х гг.[12] Политическое, сатирически-злободневное начало проявлено в стихотворениях настолько сильно, что по своей жанровой принадлежности второй и третий варианты “Скоморохов”, на наш взгляд, тяготеют к *памфлету*.

Проведенный нами анализ трех вариантов стихотворения И.А. Бунина “Скоморохи” показывает, что каждый из них представляет собой вполне самостоятельное художественное произведение, из чего сам собой следует вывод, что при издании бунинских собраний сочинений и поэтических сборников необходимо печатать все три версии “Скоморохов” (снабдив их, разумеется, комментариями): этого требуют простая литературная справедливость и текстологическая честность. При этом *основными* придется признать, видимо, первую и третью версии (как очевидно и неоспоримо самостоятельные), а вторую версию поместить в раздел “Другие варианты (редакции)” как явно промежуточную.

Автор выражает глубокую признательность кандидату филологических наук, старшему научному сотруднику ИМЛИ РАН С.Н. Морозову за неоценимую помощь, оказанную при подготовке этой публикации.

**Список литературы**

Берберова Н. Курсив мой. М., 2009.
БСЭ. М., 1927. Т. 8.
*Бунин И.А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1993. Т. 1.
*Бунин И.А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2000. Т. 8.
*Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. М., 2006.
*Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 1.
Устами Буниных. Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Сост. М. Грин. М., 2004. Т. 1.

[12] Особенно заметны переклички со статьей “Инония и Китеж”. В ней, говоря об “обдорской (т.е. монгольской, азиатской) роже” из баллады А.К. Толстого “Змей Тугарин”, Бунин пишет: “Далеко той, прежней роже, что бахвалилась на пиру в Киеве, до рожи нынешней, что бахвалится на кровавом пиру в Москве, где “бесценными сокровищами” объявлены уже не честь, не стыд, не свобода, а как раз наоборот — бесчестие, бесстыдство, коганский кнут, где “рожа” именуется уже солью земли, воплощением, идеалом новой России, ее будто бы единственно-настоящим ликом <...> И московские “рожи”, не довольствуясь тем, что они и от рождения рожи, из кожи вон лезут, чтобы стать рожами сугубыми, архирожами” [там же, с. 420, 421].